Л. Чурсина 2/III-88г

ЗНАМЯ ЮНОСТИ
г. Минск
2 МАР 1988

Крупным планом

Мастер

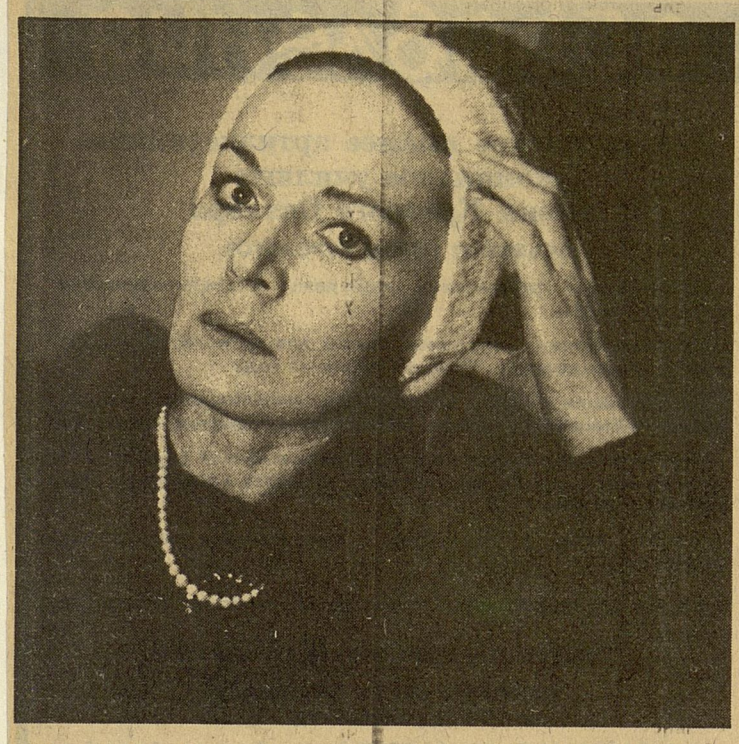

Фото А. МАКСИМОВА.

АКТРИСА

Загадочная Олеся, гордая и непокорная Анфиса из «Угрюм-реки», верная Марфа из «Журавушки», самоотверженная Виринея из одноименного фильма, находчивая журналистка из киноленты «На Гранатовых островах», Таня Власенкова из «Открытой книги»... А сейчас перед нами сама Людмила Чурсина, Народная артистка СССР. На этот раз она говорит от своего имени — о том, что ее волнует, радует, что наполняет ее жизнь.

— Мне грех жаловаться: экран подарил мне встречи с удивительными женскими судьбами. Таких встреч за плечами уже более сорока. Женщины самые разные: счастливые и несчастные, покорные и мятежные, любящие и ненавидящие... Люблю всех одинаково, равно, каждой из них отдана часть жизни, дни и месяцы радости, отчаяния, надежды. Тем более, эти характеры созданы прекрасными авторами — Шолоховым, Маминым-Сибиряком, Шишковым, Кавериным, Куприным, Треневым...

Как писала А. Ахматова: «Есть три эпохи у воспоминаний, и первая — как бы вчерашний день...». Я бы назвала свою первую эпоху воспоминаний кинематографической. Много лет, около 15, я занималась кинематографом. В какой-то момент пресытившись им, я в общем-то ему изменила. К тому же, стало сложно постоянно мотаться по всей стране в поездах и самолетах. И поскольку я все-таки заканчивала театральный институт и даже какое-то время работала в театре им. Вахтангова, то, естественно, тоска по сцене сделала свое доброе дело и я вернулась в театр... Но при этом очень благодарна кинематографу, который подарил мне признание и доброе отношение зрителей, целый этап встреч в жизни и, конечно, на экране.

— Ваш дебют в фильме «Донская повесть» был успешным...

— Я стараюсь очень осторожно обращаться в жизни с такими понятиями, как удача, счастье, победа — их мы затаскали всуе, сделали какими-то рядовыми. Но все же не побоюсь сказать, что мой дебют был, наверное, даже счастливым. Не благодаря мне. Этому способствовал прекрасный писатель Михаил Шолохов.

Тогда я училась в театральном институте на 4-м курсе, и впервые мне на экране пришлось любить, ненавидеть, предавать, становиться матерью, умирать. Я была подобна человеку, который оказался в море, а плавать не умеет. Зато сразу удалось понять, как сложна и ответственна моя профессия, какого огромного труда требует.

— Едва ли не каждая девушка мечтает быть актрисой. А вы, насколько нам известно, не собирались связывать свою жизнь с театром и кино — после окончания школы приехали в Москву поступать в авиационный институт.

— Это действительно так. Пошла в театральный «за компанию» с подругой. Экзамены меня не очень волновали: у меня была серебряная медаль. Когда прочла свою фамилию в списках принятых, подумала: попробую, поучусь, а вдруг? В МАИ поступить всегда успею.

— Что тяготит и что радует вас в профессии киноактера?

— Огорчает отношение к актеру как к последнему лицу на съемочной площадке. Печально и то, что некоторые режиссеры подчас не понимают и не могут внятно объяснить, почему они снимают именно эту картину, что волнует, что созвучно им в этом сценарии.

В кино актер работает перед холодным взглядом кинокамеры. Играет для зрителя, но без зрителя. На сцене мы улавливаем его дыхание, его отношение. Это своеобразный критерий нашей игры. В кино мы его лишены.

Добавлю, что наша профессия требует двойного мужества, потому что кинематограф прежде всего жесток к нам, актерам. Он в одночасье может вознести и в одночасье предать забвению. Не случайно когда-то Ахматова писала: «Молитесь на ночь, чтобы утром не проснуться знаменитым».

Во-первых, мужество требуется для того, чтобы однажды, проснувшись знаменитым, остаться спокойным к отблескам славы. Но еще больше мужества необходимо, когда остаешься не у дел...

А радует то, что наша профессия требует моментальной мобилизации всех эмоциональных, духовных струн, позволяет чувствовать невероятную ответственность за каждый шаг, не дает расслабляться. Если в театре что-то не получилось сегодня, то это можно исправить на следующих спектаклях. В кино сделанное уже не переснимешь.

— Сейчас вы мало снимаетесь в кино...

— Во-первых, много неинтересного предлагается.

Во-вторых, после долгого перерыва я вновь вернулась в театр — работала в Ленинградском драматическом театре им. А. С. Пушкина. Играла горьковскую Лизу Протасову в «Детях солнца», чеховскую Шурочку в «Иванове». А в 1984 году я перешла в Центральный академический театр Советской Армии: меня пригласили на роль Настасьи Филипповны в спектакле по роману Ф. Достоевского «Идиот». В ЦАТСА сейчас играю леди Макбет в трагедии Шекспира, в пьесе «Рядовые» — Веру Дугину. А недавно мне впервые доверили острохарактерную, гротесковую роль.

— Какую роль вы не смогли бы сыграть?

— Все роли, которые я не играла, я бы не смогла сыграть. Есть роли, недоступные моей индивидуальности, моим возможностям. Иногда я смотрю эти роли в исполнении других актрис и чувствую, что не смогла бы достичь такого накала, напряжения в состоянии героев. Тогда я по-хорошему завидую этим актрисам.

— Говорят, ныне снизилась зрительская требовательность к актеру: зритель не освищет, не забросает гнилыми помидорами и моченными яблоками...

— Я не совсем согласна. Приходит много писем в «Советский экран», «Искусство кино», где зрители достаточно зрело и компетентно анализируют работу актеров. Просто сегодня отношения зрителей и актеров стали более доверительными. И «Кинопанорама», и творческие встречи, и масса всевозможной литературы помогает зрителю понимать, что актер — человек зависимый и нельзя во всех неудачах винить только его. А может, проблема с моченными яблоками?..

— Вы такая красивая и молодая женщина. У вас, наверное, есть какой-то «рецепт молодости»?

— Я не скажу оригинальнее, чем сказал Гете: «Праздная жизнь — это преждевременная старость». Поэтому работа и еще раз работа!

— Какие черты характера вы цените в людях и особенно в женщинах?

— Достоинство. Оно, истинное достоинство, исключает в человеке возможность быть подлым, предать, убить, унизить.

В женщине самым важным качеством считаю верность. Мне, например, очень симпатична моя героиня из фильма «Журавушка». Не скрою: прочтя сценарий, я подумала — скучно, неярко, неинтересно. Живет женщина, ни особой внешности, ни особых подвигов. Растит сына, не дождалась мужа с войны. «Не она одна,— подумала я тогда. — Ну, почему о ней надо снимать фильм? Да и бывает ли так, чтобы женщина 20 лет ждала?».

И вот только, когда я приехала в маленькую деревушку под Можайском, там в каждой второй жительнице узнавала свою героиню. Эти женщины называли себя вековухами. Но удивительно, одиночество не сделало их неласковыми, недобрыми, замкнутыми. Невероятная чуткость и трепетность женщин не оставила. Мне, тогда 24-летней, было сложно сыграть свою героиню, весь подвиг которой в том, что она умела ждать, сумела сохранить верность.

...ЯРКАЯ РЕКЛАМА, шум аплодисментов, букеты цветов — таким, наверное, виделось поначалу Люде Чурсиной, да и многим девчонкам-сверстницам, актерское дело. «Не жизнь — сплошной праздник», — с завистью вздыхали они.

Теперь, спустя многие годы, народная артистка СССР Людмила Чурсина с улыбкой вспоминает свои давнишние представления, ибо по собственному опыту знает: путь в искусстве только тогда будет дорогой, когда ежедневно, в любом настроении, не только в будни, но в праздники, и в выходные, и в отпуске — не прекращается работа души.

Т. ПОДОЛЯК,
О. ЖАРИНА.